

Жизнь ребенка мне не понравилась. Полное ограничение по передвижениям, заняться нечем, обучать тоже никто не торопился. Хотя, немного подумав, я все равно посчитал себя везунчиком, ведь если судить по тому, что я, пытаюсь заговорить, скатывался во что-то похожее на «агу-агу», мне даже полугодика не было. Присматривающие за мной и еще парочкой крепеньких бутузов женщины тоже панику не подымали, из чего я сделал вывод, что мое поведение и неумение говорить было нормальным. Впрочем, особым пунктом у меня шло, что не умеющее говорить тело меня спасло. В противном случае, я бы себя выдал в первые же дни, а так обошлось. Это радовало вдвойне, но с каждым днем все перекрывала скука.

Быть ребенком, значит не иметь возможность что-то за себя решать. Гулять и то, на отгороженной территории, как завязанному зеку. Надсмотрщики не менее внимательные и строгие, пресекающие любые попытки выбраться на волю. Нет, бывало меня забирали с собой красноволосая женщина, постоянно пытающаяся приучить меня называть ее не по имени, а «касан», но она все это время не спускала меня с рук. Редко, очень и очень, оставляла меня одного в комнате, где не было никаких острых предметов или углов. Почти палата для душевнобольных, если бы не странная светловолосая девочка на пару лет старше, которая за мной «присматривала». Ее звали Цунаде и она была жутко заносчивой и не желающей идти на контакт, забывая обо мне сразу же, как закрывалась дверь за кормилицей. Меня это устраивало.

Спустя месяц до меня дошло, что «касан» это не прозвище, не имя, эта женщина — мать моего тела. Теперь меня занимало куда делся отец. Проблема была в том, что говорить я по-прежнему не мог, едва научившись ползать. Это раздражало и очень сильно, но кое-какой опыт возвращения себе подвижности у меня был. В свое время я ломал себе ноги, но даже тогда у меня оставались руки. Сейчас и они почти не слушались! Тело все равно оставалось ватным, будто чужим, но я упорно сцеплял зубы и старался не давать ему плакать, как бы его не тянуло сделать обратное.

Полная невозможность контролировать эмоции заставляла беситься невероятно, а ведь я всегда считал себя спокойным и уравновешенным человеком. Егерю быть другим нельзя. Нетерпение и неумение брать эмоции под контроль могут навредить в самый неподходящий момент. Сейчас я этого делать не мог. Я вообще мало что мог.

Чуть легче стало, когда я смог не просто «агукать» или воспроизводить отдельные звуки с зачастую не той интонацией, какой хотел, а выговаривать отдельные слова. Сколько мне на тот момент было, я не знал, но в ясном сознании я пребывал уже сорок семь дней. Это было переломным моментом, мне вдруг стали уделять больше времени, показывая на разные предметы и говоря их названия, которые я послушно повторял. Собственно, делать больше было нечего, только пытаться запомнить и правильно выговорить слова или же рассматривать знакомую до последней трещинки комнату, поэтому запоминалось все быстро. Это помогало поддерживать ко мне интерес и мать этого тела охотно возилась со смышленным ребенком, уделяя мне немало времени, вызывая зависть и ревность Цунаде. С последней мы плохо ладили, но до серьезного членовредительства не доходило, а щипки и толчки я старался не замечать. Отчасти из-за того, что она была ребенком и девчонкой, а на них не обижаются. С другой стороны понимая, что забираю у ребенка большую часть внимания матери, поэтому ее поведение было понятно. В силу возраста та просто больше никак не могла выразить свой протест.

Ярким моментом в моей жизни стало появление отца этого тела. Он ворвался в дом, как вихрь, покружил и поцеловал мать, а после поподбрасывал радостно визжащую Цунаде. Собственно, именно благодаря ей я и понял, что это наш отец, но предпочел тихонько сидеть в уголке и не отвечивать. Правда, он меня все равно быстро нашел и выковырял из моего укрытия, пару раз подкинув в воздух. Это было... непривычно, поэтому как реагировать я не знал. Ну, не визжать же мне, как Цунаде? Моя задумчивая рожица его умилила, но сюсюкаться он не стал, зато охотно стал слушать о наших с Цунаде успехах от матери, которую переполняла гордость за... меня. Наверное, тогда я впервые разозлился на нее. Мне показалось неправильным, что выделяют меня одного, а ведь Цунаде для своего возраста была очень умна и уже начала какие-то тренировки с бабушкой Мито. Последнюю я не видел ни разу. А может и видел, но был не в состоянии запомнить. Это было не важно. Я просто считал, что захваливать меня одного несправедливо, но словарный запас был мал и я просто отвернулся от разозлившей меня женщины.

Мое состояние заметил удерживающий на руках отец и тут же им заинтересовался. Только... только вот как зная всего сотню простейших слов пояснить свою точку зрения? Я и то, что меня хвалят понял из-за поведения Цунаде и то, что она с трудом сдерживала слезы, готовясь сбежать. В итоге пришлось выдать что-то вроде «Цу, хороша, останься», потянуться в ее сторону. Горе-родители только тогда заметили, что с их дочерью что-то творится и уделили внимание не только мне. Это было к лучшему, воспринимать их полностью родными не удавалось, хотя я исправно сосал молоко у красноволосой матери. Они все равно были для меня чужими. Память прошлой жизни давала о себе знать. Я к ним привык и стал даже привязываться, но любить, как родных мать и отца? Увольте. Максимум приписать к кровным родичам, но точно не к самым близким для любого ребенка людям.

С момента появления отца, возможностей познавать мир стало больше. Теперь я получил

право выходить на улицу не только рядом с домом, но и чуть дальше. Гордый папашка с удовольствием таскал меня с собой и пытался научить ходить. Это шло мне на пользу и я не сопротивлялся, тем более, вокруг была необычайно красивая природа. Улицы, по которым мы ходили, буквально утопали в зелени и народу практически не было. Напоминает чем-то облагороженные леса возле расположенных в пригородах универсах. Приходилось мне бывать в них проездом, сопровождая деда. Вроде и дикая природа, а видно, что человек тут бывает часто. И нет, это выражалось не в выброшенном мусоре или вымощенных дорожках (хотя и такие были, конечно), а большей ухоженностью. К примеру, не было сухостоя и сломанных деревьев, отсутствовали больные. Так и тут, вроде деревья посажены не по линейке и не только плодовые, но ощущение уже не то. Возможно, дело в мощенных дорогах над которыми они и нависали? Может быть, но мне нравилось. Здесь было спокойно и дышалось легко. Я с нетерпением ждал времени когда достаточно окрепну, чтобы иметь возможность гулять самостоятельно, но вряд ли это время наступит скоро.

Рутинка навевала что-то вроде транса. Непривыкший сидеть без дела, я готов был выть от невозможности заняться хоть чем-то. Спасла положение, как ни странно, Цунаде, которую стали чаще оставлять со мной, пока родители уединялись. Девчонке было откровенно скучно возиться с мелюзгой, но вот сидеть рядом и разглядывать читаемые ею свитки, она позволяла. Причем там были картинки, а не только непонятные закорючки. Один рисунок меня особо заинтересовал, ведь там было схематически изображен человек и я начал спрашивать. Отчаянно молясь, чтобы мои домыслы в первые дни жизни так и остались домыслами.

Цунаде отвечать не желала. Я ей мешал, но давать мне оплеухи она не решалась (родители же за стеной!), а отвязаться от меня банальным «отстань»... ну, она пыталась. Я не поддался. В итоге, она сдалась и стала рассказывать о том, что читает, а материала у нее было много. В основном это была общая информация по миру, но отдельным пунктом шло подобие травологии, начерталки скрещенной с программированием и боевые искусства. Свитки по последнему и привлекли мое внимание. Там описывалось куда лучше всего бить и схематично изображалось на рисунке. Дополнительно шло пояснение и еще один рисунок к нему, где в таком же стиле показывалось, что при этом ударе должно повредиться. Прекрасное чтение для малолетней девчонки, но не мне жаловаться.

Взрослые умилялись. Цунаде злилась. Я радовался получаемым знаниям, а в особенности, что тут пока не нашлось отличий здешних мужчин от мужчин в моей прошлой жизни. Аллилуйя! Мне не надо искать партнера по запаху, я обычный человек, если не считать чакру. О последнем Цунаде ничего толком не знала, но из путанных пояснений удалось понять, что это что-то вроде внутренней энергии фэнтезийных магов или же мастеров боевых искусств. Второе ближе, первое имеет больше схожести, если судить по ее описаниям, хотя я и сомневался, что фэнтезийные маги могли дышать огнем или водой. Да и в целом относился к подобным сказкам скептически, не подвергая сомнению, но и особо не веря. Вот увижу и тогда решу, насколько правдив был ее рассказ. Для меня был важен ответ на другой вопрос и я его получил...

надеюсь, но еще не раз проверю, когда смогу.

Было неприятно обнаружить, что рассказы Цунаде стали одним из немногих развлечений. Особенно когда она начинала вспоминать о каком-то Хаши-джи и Тобираме-джи. О последнем она говорила с куда большим почтением, зато о первом с большей теплотой. Впрочем, оба если судить по ее рассказам были какими-то монстрами. Очень занятыми в данный момент монстрами, но их возвращения она ожидала с нетерпением, говоря о каком-то празднике. Название мне ни о чем не говорило, да и вообще я старался эту тему не поднимать, ибо Цунаде сразу мрачнела и зыркала на меня недружелюбно, замыкаясь в себе. Гораздо позже я понял что ее задевало в такой тривиальной дате, как девятое августа. Все пояснялось просто, это был день, когда родился я — Наваки Сенджу. Наследник своего деда и отца. Почему не наоборот, я так и не смог понять, Цунаде вопроса не поняла, а взрослые посмеявшись отмахнулись. Ну, не важно. Главное, что по мнению моей условно старшей сестры, любимые деды возвращались не ради нее, а ради меня.

Услышав такой ответ, я хохотал долго, чем ее обидел, она дулась на меня больше часа, а после ушла на занятия и вернулась, забыв про обиду. Все же быть маленьким ребенком иногда удобно, мне же оставалось порадоваться, что не лишился хотя бы такого источника информации и оставить свои комментарии при себе. Ну, хотят родители за мой счет устроить себе праздник и созвать всю родню и друзей, что с того? Их право. Главное самому вовремя смыться. Благо, один год не такой уж и большой возраст, чтобы меня заставили веселить гостей, а небольшую порцию умиления я вытерплю... наверное.

С каждым днем нетерпение Цунаде нарастало, понять ее было можно, ведь приближался час «Х». Я же быстро затосковал, ведь мать решила сделать из меня образцового наследника и теперь полдня у меня занимали примерки, подгонки и тому подобное. Мой старый гардероб был решительно прорежен и свои места начали занимать новые вещи. Особое место, несомненно, занимал... мне это казалось халатом, но женщины называли рэйфуку, но мелькали и слова хакама и кимоно, что является названием нижней рубашки, что штанин, а что самой одеждой, я так и не понял. Слух отключался уже на первом часу обсуждений цвета, фасона, швов, полезности, моды и еще хрен знает чего. Хотя не могу не признать, что вкус у моей матери все же был и полученная одежда мне бы подошла... лет через пятнадцать. Сейчас же, светло-зеленое, как молодая листва (не мои слова, а матери!), с рисунком цветов и странным символом на спине, одеяние меня не красило. Я себе в этой одежде напоминал мини-копию самурая хрен знает какой эпохи, пока не смотрел в лицо. Стоило увидеть серьезную морщину в зеркале, как я кривился, абсолютно не понимая, что во мне умиляет женщин. Да и образ получался карикатурным.

В целом, я вообще не понимал ажиотажа, что поднялся вокруг меня. Можно подумать, что я первый ребенок, которому исполняется год в месте где мы живем. Пытался задавать на этот счет вопросы, но родителям было не до меня, они готовились, а Цунаде была в очередной раз обижена, все остальные кого я смог увидеть просто всплескивали руками и начинали что-то лепетать про «молодого господина». Я даже не сразу понял, что этот «молодой господин» и есть я сам. Отсутствие информации напрягало, я просто не знал чего ждать от наметившегося праздника, поэтому старался просто стать незаметнее, не желая идти на очередную примерку, но меня все равно находили и приводили к портнихам. Приходилось молчать и терпеть. День Рождения все же один раз в году... к счастью.

Я не считал сколько дней продолжались мои мучения, но казалось, что целую вечность. Однако в один прекрасный день меня нарядили в новенький костюмчик и отправили вместе с отцом встречать гостей. Впервые за такое огромное количество времени я видел столько людей. От обилия красок рябило в глазах, а от экономных, плавных движений становилось зябко. Все, даже женщины, ходили так, будто всю жизнь служили в особых, егерских полках. И это в узких... вроде кимоно, в общем, облагороженных халатах и на высоких шлепанцах с деревянной подошвой! Это кто же у меня родители, что к ним на праздник приглашено столько элитных бойцов? Ответа нет. Да и спрашивать как-то неудобно. Не в моем возрасте такое замечать. Вот и оставалось вежливо кивать и пытаться запомнить имена всех прибывших. Подарки те тоже приносили, но оставляли их на специальном столе, только родственники отдавали лично. К примеру, мать с отцом и сестра, их подарки стояли в комнате, я не успел распаковать сразу, а после было не до этого. Да и особо-то не интересно. В конце концов, что могут подарить взрослые люди ребенку? Ничего стоящего, я был в этом уверен.

Оживление наметилось, когда к нам начала приближаться компания из четверых взрослых. Трое мужчин и одна женщина. Два брюнета, один седой и дама с волосами цвета запекшейся крови. Я даже не знаю почему их выделил из общей кучки гостей. Они все же пришли не первыми, но что-то в них притягивало взгляд. Наверное то, что перед ними расступались? Не знаю. Просто они выгодно отличались от всех виденных мною ранее. Жаль, что к их приходу я уже устал и едва стоял на ногах, поэтому красноволосая женщина мигом сделала втык моей матери и погнала меня спать. Я ушел, но почему-то четко запомнил имена. Мадара Учиха, Хаширама и Тобирама Сендзю, Узумаки Мито. Да, именно в таком порядке. Больше я никогда их четверых вместе не видел, а жаль. Выглядели они внушительно.

Продолжение следует...